Сто лет без царя

Новая книга Николая и Марины Коняевых «Сто лет российской истории. 1917-2017. Хронология. День за днём» весьма необычна. Если не считать небольших предисловий к главам, вся она состоит из дат и сжатых описаний событий, произошедших в тот или другой день минувшего столетия

Всё достаточно сухо и эмоционально практически не окрашено, но прочитываешь одну страницу, другую — и чувствуешь, как властно затягивает тебя живое движение истории. Четырнадцать глав охватывают всю российскую историю, начиная с 1917 года и заканчивая 2017-м, с её страшными испытаниями и невероятными достижениями, чудовищными поражениями и величайшими победами.

И неправильно было бы говорить, что эта книга — бездумная россыпь нахватанных отовсюду фактов. Авторы проводят достаточно тщательный отсев всего случайного, незначащего, предоставляя вниманию читателя лишь те события, которые оказывали влияние на ход российской истории и являлись продуктом её. И оценка событий и персонажей, разумеется, возникает. Только она не навязывается авторами книги, а проявляется сама в силу сориентированности событий по их государственной значимости, по пользе или вреду, который наносили они государству.

Нужно сказать, что книга Николая и Марины Коняевых — действенное противоядие против различных исторических спекуляций. Ведь, как правило, недостаточно добросовестные авторы, в угоду собственным теориям или интересам заказчиков давая искажённую характеристику историческому персонажу или периоду советской истории, не прибегают к откровенной лжи — они лишь умалчивают о тех фактах и событиях, которые не вмещаются в нарисованные ими картины.

Данная книга позволяет любому читателю увидеть, какие факты «позабыл» упомянуть автор. Очень часто бывает, что таковыми оказываются самые главные события рассматриваемого периода истории.

Александр Пушкин в составленной по просьбе императора Николая I записке «О народном воспитании» говорил: «История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное?.. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целью искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

Эти рассуждения Пушкина отчасти применимы и к книге Николая и Марины Коняевых. Её вполне можно рассматривать как необходимый шаг к предстоящему в будущем созданию единого учебника по истории России последнего столетия, которое прожили мы без царя.

Олег САМЫЛОВ

«Моя муза стоит со стихами — билетиком в Вечность...»

Трудно поверить, но один из лучших поэтов современности Владимир Фролов, который стихами буквально дышал, оставил после себя лишь несколько небольших сборников и ни одного, который бы при его жизни издала республика, где он жил с распахнутым сердцем и которую точно так же, распахнуто, со страстью, воспевал.

Голос у него был с хрипотцой, как у Высоцкого, которого он любил, и красиво, как и тот, пел: «Для кого-то Север дикий, для меня — ручной...». Да-да, ручной, представляете?

Так и в жизни: Володя, конечно, не пёр против правил (может быть, он их просто не знал? жил как мог, как умел), но штампов и ожидаемых поступков, как и рифм, у него почти не было, — в этом смысле Фролов был своеобразным, неожиданным и любимым. Поэт, что тут скажешь!

Я вышел в мир
Под лязг дверей подъездных,
Я вышел в свет
Сиреневый, как сон.
Я вышел в мир –
За мной сомкнулась бездна,
Где с прошлым ложь
Вопили в унисон.
Был этот леденящий
лязг дверной,
Как в спину залп
безжалостно разящий:
прошедшее захлопнулось за мной,
И будущее стало
настоящим.

Любимым ещё, возможно, и потому, что был добрым, потому что не ныл и никогда не жаловался, хотя жизнь его не баловала, не щадила, да он пощады и не просил. Любил так любил, летал так летал.

Уходя за горизонт, светило
Еженощно дни мои крадёт.
Если ты меня и не простила.
Та, что всё простит,
ко мне придёт.
И исполнит ритуальный танец.
Сотканный из лживых слёз и слов ...
Как избрать
из множества избранниц
Равную себе в войне полов?
Так, чтоб в плен потом
друг другу сдаться
Вместе тягот груз делить в плену.
... Это ж надо так проголодаться,
Чтобы согласиться на одну.

Он писал стихи буквально на салфетках, на любых клочках бумаги, которые находил, ожидая такси, а потом, добравшись до места, читал, в надежде получить одобрение трепетом ресниц или случайно упавшей слезой. Поэт был так близко, так рядом, и порой даже много, что времени не хватало уделить ему так важное и нужное для него внимание, и лишь когда он ушёл, оказалось, что забрал с собой своё пространство, которым мы дышали, и взять теперь его негде. Его поэзия была, казалось бы, простой и доступной, и в то же время, высокой, особенной, хотя над стихами он почти не работал: написал, так написал.

Фролов любил хватать друзей в охапку и петь им песни со своею музой Олюшкой. Обычно бывало, что он напишет стихи, оставит на видном месте, ждёт, когда она услышит к ним музыку и напишет её. Потом, когда возвращался домой с друзьями, она пела своим ручейковым голосом под гитару новую песню, которую ни он, никто ещё не слышал. Здорово было быть первым слушателем, но о том, что это счастье и есть, мы не знали. Просто жили под их песни.

Так Владимир и Ольга Фроловы записали несколько песен на диски, в том числе и «Север», которая по всем параметрам должна бы стать бессмертной.

Но его не издавали. Печатали, восторгаясь, газеты, множа круг поклонников его слова. А на книги средств всё не было. Когда появлялся счастливый случай, Володя сам кропал небольшие сборники, выпускал их и раздаривал книжки друзьям. Все до единой. И счастье было их иметь. Потому что друзья не продаются и не покупаются.

В Москве его заметили гиганты поэтического слова Валентин Устинов и Лев Котюков и тоже принялись печатать, но... ниточка Володи с этим миром внезапно оборвалась. Неожиданно — для нас. А он будто знал и написал об этом раньше: «Я ушёл, строка осталась, в вечность крылья распластав...».

И вот вышла новая книжка «Золотой ранет». На сей раз её выпустило Национальное книжное издательство Республики Саха (Якутия) «Бичик». Как сказано, она посвящается памяти автора, чьё творчество многие ценители поэзии признали как сильное и высокое, способное окрылять и возвышать душу.

Подготовила книгу и написала предисловие жена автора Ольга Фролова. Она права: поэт остался в песнях, которые и сейчас рождаются на его стихи, в строках, воспоминаниях, литературном фонде имени Владимира Фролова, премии «По Гамбургскому счёту», что ежегодно вручается на фестивале бардовской песни «Берег дружбы» в г. Томмоте.

Эти сытые голуби
наперебой
призывают прожить,
не печалясь.
Я остался один,
не расставшись с тобой.
Мы опять расстаёмся, встречаясь.
А над рельсами снова летит пустота
к опоздавшему на электричку.
Так бывает,
что лучшая в мире мечта,
как в трубу вылетает в привычку.
Не простил мне господь
пригрешенья мои.
Я наказан давно за беспечность.
На перроне пустом
моя муза стоит
со стихами –
билетиком в Вечность.

Вот что пишет она о Поэте: «Володя был наделён харизмой, удивительным обаянием, жизнелюбием. Он был центром притяжения, и все вращались на его орбите: душевной щедрости, тепла, уюта, веселья и, конечно, любви! А любить он умел. Отдавал себя без остатка, со всей страстью, нежностью, не боясь расплескать душу. Так он и писал: "Пусть любому я душу открою, всю не сможете, не заплюёте..."».

Фролов мечтал о книге «Любимой на ночь...» — послание мужчинам о любви к женщине. Чтобы тот, который любит (возможно, так же, как сам он), но не может в полной мере выразить своих чувств, открывал этот сборник и читал его любимой на ночь. На каждую ночь — разный стих. Представляете, каким романтиком он был?

Название сборнику «Золотой ранет» дала Ольга и объяснила: «Издавна яблоко — символ молодости души, красоты и любви. Круглая форма яблока связывалась с представлениями о мире, космосе... и книга — своеобразная вселенная автора. Поэтический сборник, как чудесный золотой ранет, озарит нас своим сиянием, напоит живительным соком нашу фантазию и любовь! Творения поэта, как райский плод, — бессмертны».

В сборник вошли стихи из черновиков, написанные им перед уходом... «От него и осталось — немножко страниц, от которых теперь нет у неба границ». А хотелось бы ещё большую книгу, в которую вошли бы все его стихи. И большим тиражом — чтоб всем хватило.

Елена СТЕПАНОВА